

ВЫМИРАЮЩИЕ

Лев Енец

Часть первая

1

Записи Эллен Грин.

«13 сентября 2016 –го.

Квантовая физика утверждает: влияние наблюдателя так велико, что каждым своим новым усилием мы способны создавать новые и новые вероятности. В ящике, например, может быть все, что угодно, пока он закрыт. Взять вот мой письменный стол, в нем целых три ящика. Я знаю, что в одном из них тетради первокурсников с непроверенными эссе и упаковки шариковых ручек. Может, если я постараюсь, там объявится еще и шоколадный батончик?.. Ан нет, не вышло. Который раз понимаю - хреновая из меня волшебница.

Утро началось вполне себе даже неплохо. Я провела три пары, а потом бросила взгляд на календарь и чуть по стенке не сползла. Каждая годовщина все еще серьезно меня нервирует, но сегодня целых десять лет со дня смерти Брайана. Круглая дата. Не грех и за воротник опрокинуть.

Доктор, я знаю, что вы не одобрите. Тем не менее, ваше здоровье! Вы так давно не читаете мой дневник, а привычка обращаться к вам осталась.

О, я ошиблась. Это случилось 13 августа, это дневник я начала вести 13 сентября. Значит, с меня еще и штрафная.

13 августа 2006-го – в тот день лучше бы умерла я. Больше и добавить нечего.

P.S.: сейчас прошлась по комнате – у меня скопилось слишком много ненужных вещей, в частности, старых дневников. Во многих записи, от которых надо было давно избавиться. Этим и займусь.

P.P.S.: Я знаю, если разрешу себе выпить, то снова закончу вечер прогулкой по Млечному Пути. С этим пора уж заканчивать».

2

Запись на последних страницах дневника:

«13 сентября 2016-го.

От пары глотков ничего не будет»

3

«13 сентября 2006-го.

Привет, Дневник. Я не хотела тебя заводить, но меня заставляют. Они будут читать его, и следить за моим состоянием, так они мне сказали. Меня зовут Эллен Грин, родилась 20 июля 1989 года, из-за меня умер человек, его звали Брайан.

Дальше я должна описать все то, что произошло, но я не могу вспомнить ничего нового. Я уже все вам рассказала, и по многу раз.

Вам все мало.

Я не знаю, что я сделала. Меня спрашивали одно и то же – о чем я думала в ту минуту, говорила ли что-то, но я не помню, я вообще ничего не помню. Я вышла на площадку, в ту часть поезда, где вагоны скрепляются между собой большим зажимом. Меня укачивало, потому хотелось подышать свежим воздухом, но стало только хуже. Я постояла там минут пять, может чуть больше, потом из-за спины услышала собачий лай. Мне говорят, что я не виновата, но я знаю, что виновата, я дверь не закрыла. Щенок выскочил. Он поскользнулся и упал под вагон.

Я не знаю, почему он побежал ко мне. Я НЕ ЗНАЮ.

И я больше никогда в жизни не собираюсь говорить о смерти щенка, потому что меня начинает тошнить, когда вспоминаю этот короткий крик и резкий взвизг поезда.

Потом это и случилось, это что-то, я не знаю что. И я не помню толком. Помню, что перед глазами мелькнули яркие пятна, и я услышала тот же лай, только не под вагоном, а за собой, этот же щенок снова бежал ко мне навстречу, как пять секунд назад. Я сначала замерла, потому что не понимала, что происходит, я и сейчас не понимаю. Я преградила потом ему путь и быстро взяла на руки, сжала как можно крепче, потому что псина крутилась. Прошла секунда и появился мальчик, его звали Брайан. Я запомнила только светлые волосы. Он звал щенка: «Поппер, ты куда!». Он бежал через весь вагон, кричал: «Поппер, ты куда!». Я это хорошо запомнила. Еще точно помню, что одет он был в зеленую рубашку. Он быстро оказался рядом, и поскользнулся, прямо как щенок.

Меня постарались отвести как можно дальше, но я видела, как его доставали. То, что осталось от его рубашки, было красным.

Сегодня рассказывали про уравнение Шредингера. Для меня долго рисовали всякие значки на доске, но я ничего не понимала, а потом они стали нести какой-то бред про мертвую кошку. Какая-то кошка одновременно и мертва, и жива. Прямо, как тот щенок. Его отдали мне, потому что решили, что мне надо на что-то переключиться. Они сказали, что мне нужно что-то, что может вызвать положительные эмоции. Я ненавижу собак, они воняют. Ненавижу, но не хотела бы, чтобы они умирали под поездом. Как и люди.

Сегодня я придумала ему имя, теперь он «Пес Шредингера». Мистер Стивенс назвал это, цитирую: «...забавным, учитывая все обстоятельства».

Забавным.

Так вот, кошка Шредингера сидит в коробке, и станет понятно жива она или мертва только когда вскроют коробку. До этого с кошкой может быть все, что угодно. Она может оказаться живой. Она может оказаться мертвой. Она может быть спящей. Она может вылизывать лапу. Рыжего цвета, черного с белыми носочками, в серую полосу - она может быть какой угодно, и делать что угодно до того момента, когда коробка окажется раскрытой. В случае с моим псом все немножко по-другому, он жив в этой конкретной вселенной, в этой конкретной коробке. Мне сказали, что я одна из немногих людей, которые научились подсматривать содержимое коробки прежде, чем она оказывается раскрытой. Но я это сделала неосторожно и сломала коробку, и все пошло наперекосяк. Так мне это и объяснили. «Мисс Грин, вы сломали коробку». Но ведь я не хотела. Я даже не поняла, что произошло.

Брайан, его родители, его маленький братик, моя бабушка, и Пес Шредингера, простите меня. Я правда не хотела».

4

«15 сентября 2016-го.

Колеса проезжающих по гравию машин шуршали как-то особенно, будто перебирая чьи-то кости. Мои кости. «Психопатка», - донеслось из одного автомобиля. Вот так доброе утречко. Интересно, кто это сказал.

Нет, я не психопатка. Мне, после пробужденных воспоминаний, уши заложило, и все тело начало покалывать. У меня ноги подкашивались, я со стула встать не могла. Это физические проявления совести. У психопатов нет совести, у меня есть. Я не психопатка.

Я уже даже не знаю что хуже – то, что он умер, или то, что я столько лет топчусь на том же месте.

В своих исследованиях, по сути, я не продвинулась ни на шаг. Это убивает меня.

Иногда снится, что я все еще там, стою и смотрю на то место, куда мгновение назад упал Брайан. Не знаю, либо я вспоминаю новые детали произошедшего, либо додумываю что-то сама, но теперь мне начинает казаться, что тогда на нас с собакой брызнула кровь. Три капли на белой шерстке, одна большая на моей бледной кисти.

Я пересмотрела почти все тетрадки-дневники. От кое-чего я не могу избавиться. Некоторые страницы вырываю и вкладываю сюда, в последний мой дневник – воспоминания в вырванных листах чересчур живые, чтобы сжигать их заживо. Я так по-дурацки строила предложения, очень отрывисто, резко. В них читается перепуганная, грубоватая девочка. Что читается в моих современных записях?

Я об этом почему-то не написала, когда мне было семнадцать, поэтому, наверное, нужно упомянуть это сейчас. Пес Шредингера перестал им быть довольно быстро. Поначалу я звала его "собакой", но потом вспомнила, что Брайан звал его Поппером. Мне показалось нечестным, что я зову его по-другому, так что он и сейчас Поппер. Из маленького девятинедельного комочка он вымахал в девяносто килограммовую детину. Последние два месяца он дольше спит и чаще отказывается от еды. Ветеринар сказал, что обычно в таком возрасте сенбернары умирают. Воняет, конечно, жутко, но я не хочу, чтобы он умер.

Как бы я хотела, чтобы никто не умер».

5

Записи на последних страницах дневника:

«15 сентября 2016-го.

Я свихнулась, или фамилия этого гадёныша снова мозолит мне глаза?»

6

«15 сентября 2006-го.

Мне нужно описывать «каждое значимое или интересное событие в жизни». Ничего такого не происходит, но они очень сильно требуют, так что я расскажу про опоздание на урок. Это очень увлекательно.

Я опоздала на историю Школы на полчаса (конечно, это очень важный предмет). Произошло это событие путем невероятных стечений обстоятельств. Все началось с того, что я проспала лишние пятнадцать минут, потом слишком долго причесывалась и собирала рюкзак. Может быть, я не сильно торопилась, наверное. В столовую я пришла, когда все уже заканчивали завтрак, а потом еще долго выбирала между клубничным и вишневым джемом для тоста. В конце концов, остановившись на клубничном, мне предстояло еще более трудное решение: яичница с беконом или яичница с овсянкой? Только я решила, что все муки выбора прекращены на яичнице с беконом, как предо мной предстали соки – во всем своем четырнадцативидовом разнообразии. Сами понимаете, решение не из легких.

Ладно, мне и самой надоело. Если вам так интересно, я выбрала мультифрукт.

В общем, опоздала я на пару. Прежде, чем зайти, познакомилась с мальчиком, наверное, однокурсником. Он стоял в коридоре, наверное, его выгнали с пары.

Интересно, за что?

Его зовут Брайан».

Часть вторая

7

При жизни Арлин Риттер была взбалмошной и яркой персоной. Ничто на свете не могло умерить ее тягу ко всему экстравагантному. Даже статус невесты наследника чуть ли не самого чопорного рода, что знала старая добрая Страна, не умерил ее пыл. Много страдающие по такому поводу родственники наследника куксились, поджимали губы, украдкой даже шипели друг другу в уши всякие гадости, но Арлин в компании их мальчика сияла лишь ярче. Никто и глазом моргнуть не успел, как местные газеты разродились статьей на целый разворот о смене простенькой фамилии Риттер на громогласную Эббитгейл.

Девушка времени зря не теряла, и в скором времени имя ее новой семьи стало звучать и тут и там. То приют она поддержит, то скупит все картины подающего надежды

художника, то школу для девочек откроет. Эта последняя выходка сильнее всех предыдущих возмутила беспокойное общество 1912 года. Даже обычно молчаливый муж попытался высказать свое мнение. Впрочем, проблемой это не стало. В таких случаях Арлин хватало поднять на него глаза, полные печали: «Как?.. Неужели, ты против?..». Таким образом, благоверный менял свою позицию по поводу любого вопроса.

В длинном списке ее интересов было и почти неадекватное влечение ко всему древнегреческому, к культуре, политике и, естественно, мифологии. Со смесью недоумения и восторга попечительский совет наблюдал за строительством Девичьей Школы, именно так требовала называть заведение хозяйка.

Ей просто слово это нравилось.

Оно приятно выговаривалось.

Вкусы и предпочтения меняли свои позиции в сознании Арлин слишком стремительно, потому здание вышло поистине странным. Колонны-капители соседствовали с обыкновенными грубыми поддержками из серого камня, и классная комната, обрамленная репликами рельефов со сценами из мифов, соседствовала с серыми монолитными стенами коридоров. Похоже было на то, что миссис Эббитгейл нужно было все и сразу, а что конкретно все, и как конкретно сразу она и сама не понимала.

Не суть важно, потому что Школа была отстроена в рекордные сроки. Получив диковинный наказ упоминаться только с большой буквы, а также не менее экзотический статус грамматическо-экспериментальной, здание заполнилось восторженными ученицами. Миссис Эббитгейл решила, что ее девочки будут готовиться к поступлению в университет под неустанным взором Артемиды, играя в «Алоады» и «Великого Ловчего». Можно было только представить себе реакцию пожилых преподавателей, наблюдающих, как каждый август директриса набрасывает на купальник элементы медвежьей шкуры, измазывает лицо в грязи и прыгает по лесу с самодельным луком и стрелами в компании первокурсниц. «- Миссис Эббитгейл, зачем же вы смешиваете себя с грязью?!» - «Да будет вам известно, это не грязь, а белая глина! Неужели вы, дорогая миссис Бролин, не знали – это помогло Артемиде и ее охотницам избавиться от речного бога Алфея!».

Всю себя Арлин отдала Девичьей Школе, а вскоре после того, как разрешилась мальчиком, поняла – не стоит обделять мужской пол в обучении. Так, Девичья Школа быстренько переименовалась в Общую. Ее детище еще долгое время оставалось обыкновенным заведением, одаривающим средним образованием, но после проведения нескольких хитрых реформ, направленных исключительно на странное здание с позолоченными подсвечниками, Школа превратилась в нечто иное. Настолько иное, что зачастую учащиеся и преподаватели сами толком не понимают, о чем говорят на своих занятиях. Общеобразовательные предметы смешались с, так называемыми, *специальными*. Прибавилась возможность получать высшее образование на факультетах с весьма размытыми названиями и трудно выговариваемыми именами кафедр (чего только стоит один факультет Кайнезиса с его многочисленными отделениями). К тому же, велась некая научная деятельность, еще более таинственная и сложно объяснимая, чем преподавательская, но... Кого это реально волнует? Сколь многие выпускники пользуются вдолбленными в них знаниями из университетов и колледжей? К тому же на первом курсе, когда тяга к обучению находится на самом пике, каждого студента бьет пощечина в виде обязательного изучения ненужных в будущей специальности предметов. Филологов, например, гонят на лекции по географии и высшей математике, а технари, скрепя сердцем, заучивают стихотворения барокко XVII века. Не то, чтобы филологи будут ликовать по поводу зубрежки барочной поэзии на третьем курсе, но это хотя бы имеет отношение к тому, чем они хотят заниматься. Вроде бы.

Вечно чем-то вдохновленная Арлин неустанно бегала по лесам и джунглям больших городов всю свою жизнь. Она пережила зловредных родственников и тихого мужа, и умерла за тридцать одну минуту до своего столетия. В память о забавной, и, вне всякого сомнения, яркой личности, Школа и поныне не исключает курсы новогреческого языка, древнегреческой литературы и мифологии. Такие изюминки как игры в «Алоады» оставили, дабы разнообразить физкультурные упражнения. Даже инициации и легкие формы мистерий какое-то время присутствовали, но рано или поздно многие традиции поднимаются на смех и забываются.

Крупницы этой информации Джо вычитал из бесплатной книжицы-брошюры, забытой кем-то на столике в поезде, а все остальное он узнает позже, из достовернейшего источника. А пока он подъезжал к Школе и медленно принимал свою судьбу. Впрочем, выбирать ему все равно было не из чего. В Академию (по сути, со всеми теми же непонятными дисциплинами, что и в Школе, только считающимися намного более престижными) его не приняли, а родители самым серьезным образом настаивали на обязательном получении подобного трехгодичного образования, так что...

Джо вспомнил малиновое лицо отца и грустно усмехнулся. Джонотан Кэмпбелл тужился, отчетливо выплевывая каждое слово. «Спустя несколько лет выпускники Академии будут важнейшими людьми, *важнейшими*, Джошуа. В нашей семье *все* имеют экспериментальное образование. Это твой залог успеха, твой знак отличия от всех этих...», - отец кривится, - «*бедных* людей». Джонотан и Мэриан Кэмпбелл всегда говорили о нижестоящих слоях общества как о «бедных» людях. Маленький Джо думал, что родители жалеют их, употребляя слово «бедный» в смысле «обделенный» или «несчастный». Взрослому Джо стало понятно – «бедные» люди это, прежде всего, люди без денег. И Кэмпбеллы с благородным безумием рыцарей-крестоносцев ненавидят бедняков, а своего сына ненавидят еще больше, потому что Джо интересно общаться с «этим...этим... *отребьем*», вести себя и выражаться как «*такие* люди». Отношения в семье ухудшились еще сильнее после побега Джо на Коста-Рику в начале июня. Все бы, может, и ничего, но это время он должен был потратить на подготовку к поступлению в пресловутую Академию. Конечно, последние пару дней перед экзаменами он пытался что-то почитать, но, сами понимаете. Он всё провалил, однако в тот же день пришла маленькая серая поздравительная открытка из Школы. Она как будто сама извинялась за собственную неуклюжесть: «...Ваши школьные баллы предоставляют Вам право на учебу в Школе имени Арлин Эббитгейл. Не хотели бы Вы получить здесь высшее образование?». Джо не хотел бы. Но шмыгнул разбитым об отцовский кулак носом и подписал свое согласие.

Вдоль перрона тянулись длинные линии из людей и их багажа. Потрепанные костюмы, волосы, сумки. Джо выглядывал в окно, и обращал внимание на толпящиеся компании парней его возраста. Вероятно, они прибыли на утреннем поезде несколько часов назад. Бедняги не знали – чтобы попасть внутрь Школы придется ждать всех остальных. Традиции такие традиции.

Они переговаривались с умнейшими выражениями лиц, держа дымящиеся окурки между средним и большим пальцами. Кто-нибудь из них смеялся, но почти сразу начинал кашлять, и плевался на асфальт. Через три года эти ребята, как и выпускники Академии, станут довольно важными людьми, нужными людьми. Конечно, не такими же важными, как «академики», но точь-в-точь как «академики» они *уже* считают, что статус делает их выше, ценнее остальных землян. Они так считают, они наглеют, и тогда дуреют. Джо любил компании «бедных» людей, но не тупых. Невежество выводило его из себя, как и плевки на тротуар.

Не конкретно к этим парням будет сказано, но Джо особенно выделял такую категорию тупости, при которой человек неосознанно все же понимает насколько глуп, и

стремится совершить самоубийство. Опять же, неосознанно. Это субъекты, прыгающие с пятиэтажек на гаражи или съедающие/выпивающие что-нибудь крайне сомнительного происхождения. Особый шик запечатлеть эти радости жизни на камеру мобильного и выложить в Сеть, получая хвалебные отзывы.

Джо изумляли и радовали глупости людей. Он был одним из самых частых подначивающих комментаторов под видео с демонстрациями тупости. В то же время, будучи самым умным, он не мог не отдавать себе отчет в том, что с тупостью надо считаться. Если не быть осторожным, то она дотянется своим злым роком, своей дурацкой шуткой. Потому он преклонялся перед неустанным ее перерождением, вечной трансформацией. И смеялся. Он-то самый умный, ему можно.

Пока Джо толкал глупые мысли о глупости туда-сюда по черепной коробке, поезд окончательно остановился. Он поспешил влиться в заполнившуюся толчею узкого прохода. Багажное отделение отсутствовало, и приходилось размещать все вещи в своем купе, а потом еще и тащить на себе до Школы. Пассажиры вежливо или не очень вежливо толкались к выходу. Очень высокий незнакомый парень медленно продвигался вперед. Он держал свой огромный чемодан перед собой, изо всех сил стараясь не уронить тяжесть, оттого его руки и спина напрягались так сильно, что ткань пиджака могла треснуть. Джо внимательно оглядел ту часть лица, которую можно было рассмотреть со спины – слегка падающая на глаза светлая челка, высокие скулы, бледная кожа. Он скользнул взглядом вниз. Хороший пиджак. Очень даже. Более полный профиль хорошего пиджака мелькнул в блеклом отражении от металлической стенки вагона. Джо напряг память, припоминая портрет Арлин Эббитгейл, сравнил с отражением. Значит, слухи были верны. Если это действительно пра-пра хозяйки Школы, то с ним лучше дружить. Ну, мало ли что, верно?

Джо не удалось запихать огромный зонт в свою сумку, а в руке его нести не хотел. Так что, поддаваясь такому крайне удачному обстоятельству, он неаккуратно и будто бы нечаянно поддел полы пиджака Энди Эббитгейла концом зонтика. Правда, к этой секунде хороший пиджак больше не напрягался, потому что на выходе из вагона образовалась пробка. Чемодан, не давая никому пройти, стоял у ног хозяина. Энди не почувствовал ни укола совести, ни укола зонтом, посему Джо еще раз ткнул его в спину, да посильнее – Энди вздрогнул, Джо быстро заговорил, еще больше привлекая к себе внимание:

- Ох, ох, извините, секунду, замрите.

Конечно, каждый вопреки такой просьбе никогда не замирает, вот и Энди попытался развернуться:

- Э-э-э, что там?

- Мой зонтик, ваш пиджак, простите, сейчас... - уже как можно более аккуратно, ведь за его движениями наблюдали, Джо вытащил зонтик из сумки и отодвинул все в сторону, еще больше заполнив и так самый узкий проход в самом маленьком и несурзном поезде Страны, - О, ну вот. Извините, еще раз.

- Ничего страшного, - окончил разговор Энди, но Джо это не устраивало. С его склонностью к прогулам, полезные знакомства были *крайне* нужны.

Десять секунд длился лихорадочный подбор фраз в голове, но ничего умного не придумалось. Так что, как это обычно бывает, он сказал первое, что пришло в голову:

- ...Хороший пиджак.

- Эм-м-м, - Эббитгейл развернулся почти полностью, - спасибо... Он старый.

- Значит, вы умеете ухаживать, - ляпнул Джо.

Только мгновение спустя до него дошло, что если бы перед ним был не парень, а девушка, все бы звучало, скажем, чуть более уместно, так что, когда Энди спросил:

- Эм... Ты пойдешь до конца?

Джо немного оторопел:

- ...Что?

- Ты пойдешь до конца? До Школы?

- А, - кивнул Джо, - Да. Да. А ты?

- Отлично, - движение на выходе возобновилось, и Энди снова поднял свой тяжеленный чемодан, прежде чем пойти дальше, - Я тоже. Я подзабыл дорогу. Они на станции ремонт делали, теперь там все по-другому.

- Я, честно говоря, здесь впервые.

- О, ну, значит, будем плутать вместе.

По прошествии нескольких минут все пассажиры скомпоновались, и мощная гурьба под предводительством Энди и, раз уж он шел рядом, Джо, двинулась искать выход с огромной станции. И минуты ходьбы не прошло, как худосочный Энди уже кряхтел под своим грузом. Наблюдая за всеми этими усердиями, Джо с максимальным милосердием в голосе спросил:

- Может, вызовем такси?

Эббитгейл так не аристократично заржал, что Джо молча порадовался тому, что захватил с собой как можно меньше вещей.

- Дороги нет.

- Как это нет?

- Вот просто нет, и все. И, наверное, не будет. Возможно в будущем, когда у меня будет больше возможностей, ко мне прислушаются, и эту дебильную традицию упразднят...

- Традиции такие традиции, - тихо пробормотал Джо, но, кажется, Энди его не услышал.

- ...или хотя бы проложат асфальт... Я...

Он покусал губы, будто бы сомневаясь, говорить или нет. Джо ясно видел: ни хрена он не сомневается. Ему нравится хвастаться своим происхождением. Энди с довольным видом продолжил:

- Моя пра-прабабка основала Школу.

- Да...ну? Да ну? – поспешил добавить удивления Джо.

- Да, я...о, о, кстати! Меня зовут Энди. Энди Эббитгейл, - он улыбнулся во все тридцать два, - Мы забыли друг другу представиться.

- Джо, - с легкой улыбкой кивнул Джо.

- Просто Джо?

- Нет, не просто Джо. Джо-о-ошу-у-уа, - старательно напрягая мимику, протянул он.

Энди громко рассмеялся, и на этом обмен любезностями кончился. Пока Джо-о-ошу-у-уа не переставал удивляться своему актерскому мастерству (ведь, не забывайте, он самый умный!), дружелюбие его начало медленно таять, ибо припекало жутко.

Они нашли выход со станции, и сейчас пробирались сквозь толпы деревенских на местном рынке. Джо и Энди хранили молчание, потом кого-то из идущей толпы сзади пробрал почти истерический смех. Энди быстро повернул голову в ту сторону, потом глянул на Джо:

- Этот чувак мне полчаса назад втолковывал, что чтение это переоцененное потребление.

Джо мысленно улыбнулся «чуваку», а Энди продолжал:

- Типа, никто же не считает себя выше других, когда смотрит фильм или красит ногти. Он говорил...его, кажется, Ларри зовут...он говорил, что почти все на свете потребление, и ничем друг от друга не отличается.

- Вряд ли кто-то пишет научные труды по покраске ногтей, - сказал Джо, - Хотя... Есть же все эти курсы по маникюру-педикюру. Может, все-таки и пишут.

- Хрень какая-то.

Джо пожал свободным от сумки плечом:

- Не более чем та хрень, которой будем заниматься мы.

- А чем будем заниматься мы?

- Без понятия.

Энди охнул, поправляя чемодан в своих руках. При более близком рассмотрении выяснилось, что ручка оторвалась, и поэтому ему приходилось тащить вещи как пакет из супермаркета. Он охнул еще пару раз и развернулся к идущей за ними толпе первокурсников:

- Я знаю куда идти, все за мной!

Только сейчас Джо задумался об идиотизме всей ситуации – их никто не встречал, никто ничего не объяснял. Пред глупостью он, впрочем, преклонялся, так что воспринял тупость персонала Школы более благостно, нежели остальные. Но если бы в числе первокурсников не было пра-пра Арлин? Что, вся орава плутала бы по полям, пока спасательная группа не нашла их где-нибудь в траве да под травой? А под травой тут некоторые были, эти глазки и смех ни с чем не спутаешь.

Энди же шагал, поправлял чемодан и все говорил-говорил-говорил. Про себя, свою бабу, еще невесть про что, и Джо то слушал, то нырял в свои мысли, то внезапно выныривал посередине какой-то вопросительной фразы и суматошно пытался понять, какого ответа от него требует собеседник. Чересчур жизнерадостный собеседник общался не только с ним, а еще и с группой, следующей за ними. Энди пытался говорить шутливо-игровой интонацией, но никто его улыбок не оценил, ведь Арлин постаралась разместиться как можно дальше от населенных пунктов. И вот, из года в год молодые юноши и девушки брели по пояс в полевой траве, тащили на себе пожитки, и поминали основательницу Школы незлым тихим словом. Как авторитетно утверждал Энди, в былые времена желающие приходили толпами под дом ведьмы или колдуна и стояли там часами, днями, неделями, а бывало и месяцами, не шелохнувшись с места, так они хотели учиться.

- Учителя каждый день орали студентам в лица, чтобы проваливали. Плевались там. Толкали, били, уф-ф, - Энди делал небольшие паузы в повествовании, тяжело дыша и перехватывая чемодан поудобнее, - Еще мусором бросались. Когда оставались самые стойкие, их, может быть, принимали в ученики.

- Ты же понимаешь, что только что пересказал мне сцену из «Бойцовского клуба»?

Все нарочитое дружелюбие Джо быстро улетучилось под палящим солнцем. Они шли уже минут тридцать-тридцать пять, и Энди раздражал, раздражал до тошноты. Джо еле сдерживал себя, помня про то, что пра-правнук Арлин в случае чего, может позвонить кому-нибудь, и этот кто-нибудь решит какую-нибудь проблему Джо. Он отлично помнил об этом. И потому старался замаскировать свои нападки под нагловатый стиль общения.

Энди нахмурился. Он старательно делал вид, что не понимает. Наверняка посещал какие-нибудь актерские курсы для богатых деток.

- Что?

- Сцену с Джаретом Лето, - улыбнулся Джо самой очаровательной улыбкой из арсенала, - «Бойцовский клуб».

Энди все еще хмурился. Джо продолжил своей самой доброжелательной интонацией:

- Только не надо говорить, что ты не знаешь, что это за фильм. И книга.

Складки на лбу Эббитгейла разгладились, он пожал плечами:

- Не смотрел. Не читал.

- А-а-а. Понятно. Ну, посмотри как-нибудь, крутой фильм. И книгу почитай, - самым ласковым взглядом одарил его Джо.

- Окей.

Естественно, Энди врал. Еще и потому, что никто, особенно в Темные Века, не захотел бы, чтобы его видели рядом с колдуном. Толпы могли стоять у их дверей только ради того, чтобы потом сжечь.

Спустя минут пять, когда первокурсники ступили на резко начавшуюся гравиевую дорогу, ведущую к воротам Школы, Энди вставил еще один факт:

- А иногда учитель просто не хотел больше преподавать и кричал на проходящих, чтобы они реально ушли.

- И многие понимали?

- Наверное, нет. Проявляли чудеса стойкости.

Джо подумал, что, если бы прямо сейчас на него начали орать, мол, уходи, он бы ушел. Нафиг все это надо, серьезно. Но никто не заорал.

Перед новым курсом развернулась почти библейская сцена. Толпа семнадцатилетних деток молча стояла у серых, как и всё низкорослое здание, закрытых ворот. Они задрали головы вверх. Над ними, на стенах Школы, подобно ангелам мщения, навис преподавательский состав с директором во главе. Слабенький сухой еле притрагивался к синему флагу с эмблемой. Лица учителей застыли в строгой маске. Все выглядело настолько торжественно, даже величаво, что Джо поначалу как-то стушевался. В каком еще университете встречают учащихся таким образом?.. Это было очень странно, зато эффектно.

- Традиции такие традиции, - чуть склоняясь, шепнул Энди ему на ухо.

Но как только все успели прочувствовать торжество момента, волшебство улетучилось. Низкорослый директор начал толкать такую стандартную речь, что Джо аж жалко стало и его, вынужденного это читать, и себя, вынужденного это с умным видом слушать. Директор Уэлч пошевелил огромными усищами, как будто бы это помогало ему говорить, и заунывно начал:

- Добрый день, дорогие первокурсники. Приветствуя вас, Школа имени Арлин Эббитгейл переворачивает новую страницу в своей истории...

Школа имени Арлин Эббитгейл в глазах первокурсников снова стала чем-то обыденным, просто вузом, просто зданием. Дешевый микрофон превратил глубокий голос директора в неприятный треск. Желтое светило с непонятно откуда взявшейся ненавистью жгло спины студентам. Учителям не повезло больше, ведь им пристало сохранять серьезное выражение лица, пока солнце било им в глаза. Спустя полминуты речи своего начальника, большинство не выдержало и надело солнцезащитные очки. Теперь странное зрелище приобрело комический оттенок, а преподаватели, будто подыгрывая, еще суровой сдвинули брови.

Джо старался делать равномерные, большие вдохи и выдохи, чтобы не упасть в обморок, так было жарко. Пиджак он уже снял, рубашка в районе подмышек противно липла к телу. Капля пота вынырнула из волос и пробежалась вдоль щеки, Джо скривился, вытер ее тыльной стороной ладони. Все студенты стояли молча, но это не внимание к речи; в их глазах жажда не до учебы, а к минеральной воде. Лишь одна девушка, похоже, не обращала внимания на солнце. Она стояла справа от Джо, опершись на одну ногу, и то и дело заправляла за уши короткое светлое каре. Рядом с ней никаких чемоданов и сумок не наблюдалось. Немытая челка падала на глаза, ногти с обгрызенным темным лаком прыгали по сенсорному экрану мобильного. Он не видел ее в поезде, она абсолютно точно не шла с ними в Школу. Время от времени девушка поглядывала в его сторону. Будь она поухоженной, то, может, понравилась бы ему, и настроение бы поднялось. А потом стало понятно, что смотрит она куда-то выше его лица. Это Энди стоял по левую руку от Джо, и

был он на голову выше, и вообще ничего не замечал. Как полный debil внимательно слушал директора чуть ли не с открытым ртом.

Тем временем, речь все не заканчивалась, а пекло все сильнее и сильнее. «Все, не надо уже ничего. Господи. Закругляйтесь, запускайте нас внутрь, дайте нам если не воды, то хотя бы в тени постоять. Уроды. Я ненавижу вас. Господи, я убью вас, впустите меня».

Почти в унисон с Джо, в головах ребят пульсировали однотипные мысли, но никто из них и не предполагал, что добрая половина учителей (если не весь состав) думает то же самое: «Кончай ты уже, Уэлч. Всем все равно. Кончай, и запускай их». Но Уэлч, похоже, обрел свою минуту славы:

- ...Преподаватели самоотверженно будут помогать вам в стремлении постигнуть неизведанное, ведь этим Школа и славится, ведь этим...

«Что ты несешь. Что ты несешь. Умолкни», - думал Джо и незаметно разглядывал всех вокруг себя, потихоньку поддаваясь солнечным ударам. Светило бьет покруче любого боксера. Какой-то парень вон стоит. Симпатичный, брови смешные, круглые. Темные кудряшки, ужасная рубашка. Какой-то логотип на том месте, где должен быть карман. Джо чуть не прыснул от смеха, когда разглядел – это же марка пива. Этого дешевого пива, которое по телику крутят. «Господи, как можно пить пиво», - думал Джо и нервно улыбался, поглядывая на парня, - «Как можно пить это пиво, а потом носить эту рубашку. Господи, куда я попал, Господи помилуй».

- Все мы надеемся, - директор взмахивает рукой, как бы указывая на своих коллег, коллегам все равно, - что в приподнятом настроении и неустанной жажде просвещения начнется и окончится ваш путь в Школе. Знайте, мои двери, как и двери любого преподавателя в Школе имени Арлин Эббитгейл всегда открыты. И, конечно, вопрос, который я не могу не задать... - он набирает в грудь воздуха, - Готовы ли вы к познанию неизведанного? Нужна ли вам возможность обрести знание?..

Из года в год ор голосов: «ДА!» становится все тише и тише. В этот раз это почти неслышимое: «угум». Красивая блондинка лопнула пузырь от жвачки. Директор устало махнул рукой, и ворота со вздохом открылись. Уэлч проводил студентов безрадостным взглядом. Вот, еще одни.

8

Как их только не называют. Маги, волшебники, чародеи. Ведьмы. Колдуны. В разные времена к легендам о них относились по-разному, но в любом случае приходилось прятаться. Прелесть современности в том, что скрывать ничего особенно не надо. Мало того, что всем просто напросто все равно, так и по-настоящему сильные кудесники больше не рождаются. Например, ни один из преподавателей Школы не способен летать как воздушный шарик или поджарить кого-то на расстоянии (хотя студенты с Кайнезиса чем только не хвалятся).

Они никогда не были каким-то отдельным миром, незаметно соседствующим с «обычным», или мутантами, или выходцами из космоса. Такие же люди, большинство вообще ничем не отличается от «обычных», лишь некоторые чуть больше владеют своим разумом, телом, чуть тоньше понимают мир. Но в таком нет ничего удивительного, такие часто художниками да музыкантами становятся. Нет у них своих отдельных структур, своих людей в правительстве, в отличие от тех же музыкантов. Наверное. Единственное, что есть - закрытые клубы и Академии. Ну, и Школы, для не самых сообразительных. В клубах ничего особенного не происходит, не совершаются жертвоприношения ни людей, ни куриц. Наверное. Как и в обычных элитных закрытых клубах, там пьют и ведут громкие разговоры о политике. Если коротко, в Школах и Академиях учат как в теории разбить стакан усилием воли. В клубах это на пьяную голову практикуется. Сами понимаете, что из этого выходит.